

ИССЛЕДОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ОПРЕДЕЛЕННЫХ КАЧЕСТВ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ТРЕНИНГОВЫХ ГРУППАХ С РАЗЛИЧНОЙ СТЕПЕНЬЮ ДИРЕКТИВНОСТИ

В этой статье мы представляем концепцию специализации кафедры социальной психологии Томского государственного университета, выраженную в объединении недирективных и креативных подходов в активных тренинговых группах, а также в понимании и принятии инаковости себя и друг друга, т.е. в развитии толерантности личности и актуализации таких отношений.

Создавая кафедру социальной и гуманистической психологии в качестве выпускающей, я (В.И. Кабрин) формировал концепцию такой специализации через объединение недирективных и креативных подходов в активных тренинговых группах разных уровней глубины и сложности. Можно начинать с простейших вариантов «мозгового штурма» уже на первом курсе вплоть до активной профессиональной групповой супервизии в группах профессионального и личностного роста (развитие принципов балинтовской группы). Между ними располагается комплекс тренингов коммуникативной компетентности, свободного творчества, социально-ролевых и деловых игр, психодрамы, групп встреч (групп свободного общения), групп экзистенциального опыта, ноэтического практикума, раскрепощающего креативность эйдосов, мыслеформ на основе управляемого воображения, обучение консультированию, переговорам, практика психосинтеза.

Постепенно становилось ясным, что «чистой» недирективности достичь невозможно и может быть и не нужно. Хорошо, когда каждый тип групповой работы характеризуется своеобразным, специфическим сочетанием директивности и недирективности. Возможный путь сохранения личностного, индивидуационного (К.Юнг) подхода – это создавать условия для актуализации в группах таких ориентиров, принципов и ценностей, которые бы вели к свободным, аутентичным проявлениям креативности участников, пониманию и принятию инаковости себя и друг друга, т.е. развитию толерантности личности и актуализации метаценности толерантных отношений.

Соответственно опытные и молодые сотрудники нашей кафедры, в частности авторы представленной статьи, пережив в духе принятых ценностей этап свободного индивидуального плавания в «собственном соку», начинают решаться на неожиданные комплексные исследования и акции. И здесь я попытался задать общий экзистенциально-смысловой контекст (на основе своего группового опыта) для сопоставления опыта трех молодых ученых:

- опыт групп «первичного творчества» (Я. Б. Частоколенко),
- группа тренинга умений и ролевая игра (Шабанов Л.В., Савин П.Н.).

ОПЫТ ГРУПП «ПЕРВИЧНОГО ТВОРЧЕСТВА»

В 2000 – 2003 г. на факультете психологии ТГУ проводилась апробация нескольких моделей тренингов креативности. В результате работы были получены интересные данные, касающиеся двух подходов к толерантности в ситуациях неопределенности [1]. Первый подход строился на осознанном поиске ком-

промиссов. Во втором подходе – наблюдалось явление, которое мы назвали «бессознательная толерантность». Казалось бы, наиболее успешными должны быть группы, осознающие необходимость поиска общего, изначально настроенные на компромисс. Тем не менее, получилось все наоборот: наиболее эффективной была совместная работа в группах, в которых сложилась бессознательная толерантность. О том же свидетельствуют субъективные оценки участников тренинга: гораздо большую удовлетворенность и состоянием группы, и атмосферой, и результатами высказали группы «бессознательной толерантности» [1, 2]. Всего в эксперименте участвовало 6 групп, 2 из которых искали компромисс, а 4 оказались в состоянии бессознательной толерантности.

Этот опыт позволяет посмотреть на проблему толерантности несколько в иной плоскости, чем принято в современной литературе, посвященной данной проблематике. В нашем эксперименте ядром были тренинги креативности. «Бессознательная толерантность» наиболее ярко выявилась на тренинге, в котором в качестве основной формы деятельности была предложена творческая игра со способами первичного художественного творчества. Первичное художественное творчество не связано с канонами изобразительного искусства, оно основано на естественной эстетике и строится по законам цвето- и формообразования в природе. Личность, соприкасающаяся с первичным художественным творчеством не подражает природе, не копирует природные формы и цвет, а творит по тем же самым законам. С одной стороны «не Я творю, а через МЕНЯ творится», а с другой – личность прикасается к создаваемому творческому миру рукою Творца, творящего наш Большой Мир.

Толерантность на тренинге проявлялась как своеобразная проекция в социально-психологическое пространство тренинга творческого потенциала каждой отдельной личности, точнее индивидуальной готовности принять новое, готовности погрузиться в личную творческую свободу. Готовность к творческой свободе выступала главным водоразделом между группами «компромисса» и «бессознательными»: первые, прежде чем начать работать, пытались создать некую карту ближайшего будущего в тренинге и выработать правила для этого будущего поведения. Вот здесь и оказалась самая большая ловушка: тренинг весь построен на ситуациях неопределенности, в которых ничего «изначально» предположить не удается. Тем не менее, группы выработали виртуальные правила, которые постоянно не совпадали с реальностью и вообще никак не отражали развитие ситуации. Отказ от исходно выработанных правил сопровождался попытками как-то на ходу создать еще какие-то

«мобильные» правила. К тем участникам тренинга, кто не желал подчиняться выработываемым правилам, применялся жесткий прессинг. В итоге группа пыталась загнать себя в русло некой «принудительной толерантности», так как правила, увы, не работали. Принудительная толерантность также не сработала, в итоге часть группы с увлечением кинулась создавать некую «мегамодель», которая, по их мнению, порожидала бы правила поведения для любой ситуации неопределенности. Кстати, очень интересно, что эта часть группы оставляла за собой свободу создания правил, свободу распорядителя, требуя от другой части группы подчинения этим правилам: «ну вы же все-таки разумные люди, вы должны понимать, что по правилам работать будет удобнее». Вторая часть группы, плюнув на всю эту «правильную» канитель, с легким скандалом обосновалась в другом углу аудитории и принялась пытаться работать в ситуации неопределенности без выработки правил, полагаясь на интуицию. Появились «мы» и «они», естественно абсолютно не принимающие не только позицию друг друга, но и перешедшие «на личности». Даже разойдясь по разным углам аудитории, участники тренинга продолжали вяло переругиваться, после чего группа вообще рассыпалась и участники работали индивидуально. Несколько человек разругались на тренинге надолго. Другая группа, тоже начавшая с поиска компромисса, переживала несколько «приступов» объединения и размежевания и, в конце концов, остановилась на индивидуальной работе, пережив в самом конце занятия запоздалое чувство объединения под влиянием сильного эмоционального всплеска, вызванного творчеством одной из сложившихся малых групп, – участники нарисовали очень интересную картину, буквально захватившую всю группу, которая в итоге объединилась вокруг этой малой группы как ядра, но не для совместного творческого действия, а просто для обсуждения. Группы «бессознательной толерантности» отличались тем, что приняли свободу игры, свободу ситуации неопределенности. Они не пытались создать упреждающий коллапс неопределенности, перечертив ее сеткой правил, а просто погрузились в свою собственную свободу, которая оказалась благодатной почвой для допущения, принятия свободы другого. Это не было компромиссом типа «ну ладно, я допускаю, что ты будешь делать так, а ты за это допустишь, чтобы я вот эдак». Стремление личности к самопреодолению, расширению собственных границ и в то же самое время стремление к сохранению устойчивости, сохранению себя выступило как первичное творческое противоречие, пережитое через цепочку транскомуникативных микрособытий. Принятие свободы переживания первичного творческого противоречия открывает первичную коммуникабельность миру, бегство от этой свободы создает блокировки и деформации первичной коммуникабельности. «Свобода распорядителя», создающего правила поведения для другого, на наш взгляд, одна из самых серьезных «деформационных» проблем. Оставляя за собой эту свободу, личность на самом деле отказывается от свободы творчества: ее страх перед бездной свободой творчества сразу выплескивается на социальный уровень. Личность не просто самое себя

загоняет в искусственные рамки виртуальных правил, а еще и пытается организовать микросоциум, как некий буфер между собой и ситуацией неопределенности. В одной из наших экспериментальных групп неформальный лидер группы как раз и обладал такой «свободой распорядителя» в сочетании с нетерпимостью к творческой свободе другого, в итоге блокировавший почти всю группу.

Характерная черта 4-х групп «бессознательной толерантности» – отсутствие выраженного лидера. Сначала группы рассыпались на несколько малых групп, тогда как «компромиссные» изначально пытались работать все вместе. В стихийной самоорганизации групп «бессознательной толерантности» четко выделялись четыре этапа.

1. Материально-техническая взаимопомощь в одном из способов первичного художественного творчества [3]. Первым объединяющим моментом было достижение «художественных» эффектов по принципу технической взаимопомощи: «я тебе помогу, а ты точно так же поможешь мне». Это был этап творчества индивидуального, но получаемого как результат совместных действий. Немаловажный аспект: снималась индивидуальная конкурентность за материальные ресурсы для творческой деятельности: внешнее распределение материалов отсутствовало и свобода доступа к бумаге и краскам вылилась в активно-агрессивный захват по принципу «всего и побольше». При стихийном объединении в малые группы конкуренция за ресурсы с индивидуальной перешла в конкуренцию между малыми группами. Отстаивать коллективно бумагу и краски легче – пока двое-трое заняты рисованием, кто-то «стоит на страже», охраняя объединенные запасы.

2. Далее наблюдался эффект «катализатора»: действие одного из участников малой группы «взаимопомощи» становилось отправной точкой для возникновения новых неожиданных идей у других участников. Действие следующего участника порождало не просто «механическое продолжение» работы, а обеспечивало качественное изменение характера действий. На этом этапе началось активное обсуждение и результатов, и стратегии дальнейших действий в группах, после чего эти «стратегии» слаженно осуществлялись, хотя результат осуществления стратегий не имел ничего общего с изначальным предположением. В отличие от групп, искавших компромисс, такой «провал планов» эти группы не только не расстраивал, а наоборот веселил и раззадоривал на новые эксперименты уже совсем без правил и стратегий.

3. Следующий этап был самым интересным и неожиданным: группы слаженно работали молча, практически не обмениваясь «вербальными сигналами». Такое впечатление, что участники инстинктивно нащупали «кратчайший путь» к взаимопониманию во время коллективных действий. Такой эффект «молчаливого творческого взаимодействия» наблюдался во всех четырех студенческих группах, но только на самом первом занятии с использованием способа первичного художественного творчества «водяная печать», которое было «оформлено» целым рядом особенностей, не воспроизводимых в дальнейшей работе с теми же группами: во-первых, участники впервые

узнали о существовании «водяной печати» и впервые попробовали работу с ней. Во-вторых, работа велась в условиях конкурентной борьбы за материально-техническое обеспечение «игрушки». В-третьих, время на игру было ограничено, и у участников не было никаких гарантий, что им еще удастся так «поотрываться». Вдохновленные собственной «гениальностью» участники перешли на «внеаналитический» уровень: и самоорганизация групп, и их динамика строились на инстинктивных действиях, ведущих к наибольшей эффективности (как качественной, так и количественной) в наименьшее количество времени.

4. Последний этап во всех четырех группах был одинаковым и проходил на волне радостного эмоционального подъема: малые группы взаимопомощи вдруг теряли свою актуальность, происходило слияние группы в единое целое.

Не менее интересно развивались события после тренинга с первичным художественным творчеством. По ходу экспериментальной работы участники тренинговых групп много раз объединялись в малые группы (и до и после «водяной печати»). Деление на малые группы в основном происходило в форме «лотерей», «закрытых глаз» и тому подобных способов, обеспечивающих случайный подбор членов малой группы. Блок занятий был построен через «директивное» распределение по малым группам. На нескольких занятиях участники делились произвольно, по своему сознательному выбору партнеров для взаимодействия в малых группах. На этом фоне события тренинга с «водяной печатью» стоят особняком: в исходных условиях не было никакого требования «совместной работы», были просто предложены несколько увлекательных способов «около художественной» игры. Особенность малых групп на «водяной печати» – их стихийное, необдуманное, «не директивное» возникновение. В самом конце всего цикла тренинговых занятий была запланирована итоговая презентация всех полученных творческих коллекций. Эти коллекции получались самыми разными способами: наряду с «водяной печатью» использовались еще четыре способа первичного художественного творчества, в том числе работа с объемом, было и «традиционное» рисование. Презентация проходила в свободной форме, можно было делать ее как индивидуально, так и объединиться во временный коллектив. Когда участники сознательно объединялись на итоговую презентацию творческих коллекций, то половина (11 малых групп из 22, сформировавшихся на «водяной печати», – это 46 участников тренинга из 90) объединились именно так, как они стихийно соединились на «водяной печати», хотя у них был опыт взаимодействия в малых группах, которые формировались иначе, в том числе по «личным предпочтениям». Факт, обращающий на себя внимание. «Водяная печать» концентрировала малые группы и не «случайным» и не «сознательным» образом. Это было *стихийное «инстинктивное» объединение, приводящее к высокоэффективной совместной деятельности*. Мы опасаемся в категорической форме делать какие-то «далеко идущие выводы», но, тем не менее, случайно получился своеобразный «эксперимент», который показал на примере четырех групп любопытную тенденцию оптимальной самоор-

ганизации малых творческих групп: ведь на итоговую презентацию студенты объединялись сознательно, опираясь на полученный опыт работы в малых группах, объединяемых разными способами. Среди всех способов, в том числе «сознательного выбора партнеров», больше половины студентов оценили самоорганизацию на «водяной печати» как наиболее подходящую и результативную.

Что же все-таки происходит, почему в одних и тех же условиях часть участников тренинга выходит на уровень принятия партнеров и эффективное творческое взаимодействие, а другая часть, сознательно, целенаправленно ищущая компромисс, не только не находит его, а добивается помимо своего желания прямо противоположного эффекта.

Допущение-недопущение инакового, толерантность хоть сознательная, хоть бессознательная – это нюанс. Проблема гораздо глубже – она в готовности личности к принятию творческой свободы, причем в самую первую очередь своей собственной свободы. В нашем эксперименте личность была просто обречена на свободу, так как в ходе тренинга создавались ситуации полной неопределенности, для которых в принципе не существует стереотипа поведения. Распоряжение этой свободой было тоже свободным: свобода уничтожения свободы путем выработки «упреждающих правил», свобода как вседозволенность, свобода принятия себя, свобода принятия себя как части группы... Полученные в ходе эксперимента данные отнюдь не говорят о том, что поиск компромиссов не нужен. Наши данные получены в совершенно конкретной модели тренинга креативности, в которой просто не было времени и возможности на «осознание». Способность к бессознательной толерантности оказывалась необходимым условием выживания группы как целостного эффективно взаимодействующего и бесконфликтного сообщества. Однако эта тренинговая модель открыла такой пласт основ толерантного отношения к другому, который, видимо, активно работает в реальной жизни, но не учитывается, так как на поверхности лежат вроде бы очевидные причины: «отсутствие осознания», «недостаточный поиск компромиссов». Далеко не всегда такой поиск нужен, а необходим как раз навык бессознательной толерантности, основанной на взаимном принятии творческой свободы. Слишком уж много ситуаций неопределенности предоставляет в наше распоряжение реальная жизнь. Принятие свободы творческого поиска теснейшим образом связано с поисковой активностью, готовностью принимать новое, раскрытием творческого потенциала личности. Бессознательная толерантность в рамках нашего тренинга может трактоваться как одна из форм реализации творческого потенциала личности. Чем выше творческий потенциал, чем больше он актуализирован, тем больше личность готова к принятию нового, к контакту с неизвестностью.

Если сравнить направленности личности «ищущей компромисс» и «бессознательно толерантной», мы видим два вектора. Первый направлен на другую личность, настроен на межличностную коммуникацию. Второй направлен на себя и через себя на контакт с неизвестностью. В психологии эволюция представле-

ний о коммуникациях шла от узкого понимания: «коммуникация состоит в обмене информации между общающимися индивидами», до широкого: «коммуникация – это связь, в ходе которой осуществляется обмен информацией между системами в живой и неживой природе» [4. С. 84]. Мы рискнули ввести еще одно представление о коммуникации, определив творчество как коммуникацию «человек – неизвестность». Очень важный момент: «неизвестность» не означает «ничто». Неизвестность – это непознанное, сущее, вместилище смыслов. Неизвестность не является чем-то исключительно пассивным, на что направлено активное познавательное действие человека. Неизвестность выступает как партнер в коммуникации. Неизвестность задает надсистему. Личность «расширяет» себя в надсистеме. Такое творчество заключается в восприятии и оформлении смыслов, идущих от неизвестности к человеку. Человек ощущает влияние неизвестности и открывает себя для восприятия сущего в неизвестности.

Мы полагаем, что ядро творчества допустимо определить как контакт с неизвестностью. Мы не будем пытаться дать исчерпывающее определение неизвестности – это большой философский вопрос. Попробуем лишь «оконтурить» горизонты понятия «неизвестность» с точки зрения социальной психологии и остановимся на следующем: неизвестность – реальность, данная личности в ощущениях и не представленная в чувственном, эмоциональном опыте или в символических знаках (знаковой системе) личности.

Если бросить взгляд на пространство, в котором происходит контакт с неизвестностью, то становится очевидным, что неизвестность примыкает к двум областям:

Область первая – объекты. Она «восходит» из различных предметных сфер, предметных областей. («Объектом» может быть все, что угодно – букашка для биолога, космический объект для астронома.). Неизвестность задает широкую палитру неопределенных свойств объекта, возможно неопределенность и самого объекта. В нашем тренинге неизвестным объектом был мир первичного художественного творчества.

Область вторая – взаимодействия. Она восходит к многоуровневому коммуникативному миру [5 – 7]. Неизвестность создает поле свободного выбора, в котором личность обречена на свободу. Каким бы ни было принятое решение – вплоть до бегства, отказа от свободы – все равно в данном случае это будет результат свободного выбора [8].

Выстраивая в рамках тренинга творческую коммуникацию сразу по двум областям контакта с неизвестностью – «объекты» и «взаимодействия» – мы получаем широчайшее пространство творческой свободы, в котором личность сама определяет процентное соотношение «объектной» и «коммуникативной» частей в собственном творчестве. Идея тренинга – организация в реальных группах открытых творческих ситуаций, складывающихся из транскоммуникативных микро-событий, в которые может свободно включаться личность как она есть. Цель – переживание творческих состояний. Структуру тренинга составляют четыре слоя: свободное взаимодействие со средствами и

способами первичного художественного творчества, свободное соединение в малые группы (либо индивидуальная работа), поведенческая свобода, свобода спонтанных высказываний и самопрезентаций. Неизвестность, свобода, спонтанность – три «кита», на которых держится тренинг. Содержание и динамика тренинга ориентирована на взаимопродолжающие события – переживания. Самое интересное то, что в ходе совместной работы в рамках тренинга мы наблюдаем не общение по поводу решаемой творческой задачи, а само общение является творчеством. Это во многом объясняется тем, что тренинг не подразумевает решения некоей извне поставленной творческой задачи, имеющей «правильный» ответ. Задачи могут порождаться в самом тренинге, но такие понятия как «правильное» и «неправильное решение» не применимы.

Модель тренинга креативности, построенная на активном взаимодействии с неизвестностью, способна породить, развивать и закреплять явление бессознательной толерантности. Этот эффект чрезвычайно важен для ориентирования и эффективного «выживания» в ситуациях неопределенности. Расширяя свои возможности в «зоне контактов» с неизвестностью, личность раскрывает свой творческий потенциал, развивает творческие способности. Естественное следствие – готовность принять новое, расширение собственного творческого веера возможностей. Конечно, необходимы дальнейшие исследования относительно пролонгированности актуализации таких качеств и их связи с тенденциями личностного роста.

ГРУППЫ ТРЕНИНГА УМЕНИЙ И РОЛЕВАЯ ИГРА

Группы тренинга умений, называемые также группами жизненных умений, основываются в большей степени на принципах психологии поведения. Поэтому их целью является обучение приспособительным умениям, полезным при столкновениях со сложными жизненными ситуациями. Для этих групп тренингов характерна высокая степень структурированности и систематизированности. Одним из преимуществ поведенчески ориентированных групп является постоянное использование текущих исследовательских оценок, так как они в своем арсенале имеют такие понятия, как сосредоточенность на наблюдаемом поведении и учебная модель решения проблемы, основанная на усвоении важных для развития участников группы принципов.

Ролевая игра является неотъемлемой частью коллективной работы участников внутри группового поля. Многие социальные противоречия и нестабильность нашего общества могут вызывать у нас чувства замешательства, недоверия и бессилия. Таким образом, опыт, приобретаемый в специальных группах, призван оказывать противодействие отчуждению и помогать решению проблем, возникающих при межличностном взаимодействии. Группа оказывается микрокосмом, обществом в миниатюре, отражающим внешний мир и добавляющим специфику нашего реализма в искусственно созданном взаимодействии. Интенсивность переживаний усиливается использовани-

ем разнообразных психодраматических приемов, которые облегчают выражение чувств и эмоций. Социальная драматургия, которую можно представить и как «индивидуальное творчество в коллективе», и как «коллективное творчество, формирующее индивидуальность», используется в разных подходах (гештальттерапия, поведенческая терапия) для совершенствования адаптивного поведения, а сценарий и постановка являются результатом работы самого участника процесса.

В рамках этого тренинга участникам была предложена тема: «Воспитание толерантности по отношению к себе и другим». Первая часть тренинга имела форму командной ролевой игры. Каждая команда действовала в соответствии с инструкцией от тренера, суть которой заключалась в том, чтобы достичь своей цели, используя только два вида действий: агрессивные и конструктивные. Команды активно использовали обе тактики. Применяв конструктивную тактику и не встретив ответной поддержки, команды прибегали к агрессивным действиям. Эта тенденция была характерна для обеих команд и прослеживалась в течение всего хода игры.

Действия не носили стратегического характера, а совершались ради единичной выгоды. Отсюда мотивы членов команд не были подчинены единой цели, а были разноплановыми:

- быть независимым от ситуации;
- продержаться как можно дольше;
- принести себя в жертву команде;
- поразить как можно больше соперников.

Было предложено упражнение «Альтернатива». Эта чрезвычайно интересная игра из обихода тех средств, которые используют психологи для развития участников тренинга умений понимать друг друга, эффективно взаимодействовать, сделать шаг навстречу партнеру. Эта игра обладает, кроме того, еще и мощным дидактическим потенциалом, что позволяет рассматривать ее как полигон для испытания нравственных установок и способности к прорыву на более высокий уровень самосознания. Широко известен вариант этой игры под названием «Дилемма узника». Н.И. Козлов (1997) описывает ее модификацию «Красное и черное». Вариант игры в парах имеет свои недостатки. Один из них состоит в том, что ведущий не в состоянии отследить поведение всех игроков, и те могут договариваться с партнерами о своих дальнейших действиях. Избежать этого можно с помощью командной игры.

Итак, «**Встреча двух цивилизаций**», группа делится на две команды (способы деления – самые разнообразные) и жребием определяется, какая команда будет состоять из землян, а какая – из инопланетян. Однако для усложнения задания мы решили не определять «землян», а зачитать для обеих команд одинаковую вводную.

В принципе, еще остается возможность мирно договориться. Но между кораблями нет связи, и чтобы высказать свои предложения, необходимо покинуть корабль и выйти наружу. Это риск: соперники могут не сделать такого же шага, а просто уничтожить конкурентов. В этой игре вам придется решать, как поступить, совершив десять ходов.

Внутри упражнения получилась интересная трансформация:

1. Планета, из-за которой и возник конфликт, стала называться не иначе как «Земля»;

2. Проблемы «аборигенного» населения полностью игнорировались – рассматривались варианты уничтожения планеты, «чтобы не обострять межгалактического экономико-политического конфликта»;

3. Лидеры старались выпустить на переговоры «под огонь» сначала своих конкурентов, затем тех, кто не хотел солидарно голосовать за принятое решение.

Общности в командах не наблюдалось, что было отмечено в итоговых рефлексиях. Мы считаем возможным определить процесс взаимодействия участников как совершение действия ради действия.

Описывая эмоциональное состояние участников, можно заметить, что изменились показатели по шкале агрессивность – дружелюбие: агрессивность до игры 0,03, после игры – 0,04; дружелюбие до игры 0,06, после – 0,03. Дистанцированность участников от внешнего мира после тренингового процесса увеличилась с 0,13 до 0,16. Семантический анализ рефлексивных письменных текстов показал, что многие участники чувствовали себя опустошенными, не видели смысла в своих действиях, ощущали неудовлетворенность и раздраженность, что подтверждают следующие изменения показателей: активность уменьшилась (с 0,26 до 0,22), увеличилась закрытость с 0,06 до 0,11. В заключительной части занятия тренером была поставлена задача: выявить интересующую и значимую для всех проблему, обсуждением которой все участники будут заниматься на следующем тренинге. Процесс определения групповой проблемы был интересен тем, что вначале каждый участник заявил о своей позиции и был на ней сосредоточен, проявляя настойчивость в отстаивании её приоритетности для всех. А затем, уловив схожесть своих взглядов с позициями других, участники пошли на сближение, о чем свидетельствуют следующие изменения показателей: направленность во вне – с 0,11 до 0,16, негатив – с 0,08 до 0,06, открытость – с 0,01 до 0,08, пассивность – с 0,22 до 0,1.

Таким образом, можно предположить, что феномен толерантности, выявленный нами в данной ситуации, приобрел черты, которые мы можем охарактеризовать как коммуникативная некомпетентность (Л.А. Петровская, по интерпретации Муравьевой О.И. [3]), что de facto является парадоксом. В группе визуально наблюдалась, что и зафиксировано в протоколах, неспособность построить стратегию переговорного процесса и уход от контакта – «закукливание». Группа экспертов образно охарактеризовала этот эффект феноменом проявления «некомпетентной толерантности», в основе такого необычного термина лежит определение, представленное в статье «Принципы наивного реализма и их роль в возникновении непонимания между людьми» (Росс Л. Уорд Э. [2]). Мы, в свою очередь, предложили более приемлемый термин: «псевдотолерантность», который складывается как своеобразный отклик личности на когнитивный диссонанс между синергичными феноменами: социальной индифферентностью, характерной для масс-

единицы постиндустриального общества и наивным реализмом личности, находящейся в ситуации маргинального отчуждения в условиях распада конвенциональной группы.

Для более детального изучения этого феномена, мы предложили вариант, рассчитанный на большую группу (36 человек), «**Фламандская доска**». Это упражнение является модификацией известного цикла тренинговых упражнений И. Вачкова «Шахматы» [4]. Смысл игр данного типа – удобный переход от разогревающих, поверхностных упражнений к более длительным и глубоким психологическим упражнениям, особенно если группа уже сложилась и тематический контекст, в котором находятся участники принципиально не изменяется. Задачи, поставленные перед игроками, далеко не просты. С одной стороны, вроде бы проходит командное соревнование, а с другой – ни один из участников вначале не знает членов своей команды – необходимо узнать своих «соседей» по полю и дать исчерпывающую информацию о себе. Основной целью представленной ролевой игры было развитие умений и навыков социальной перцепции, в частности, умение замечать и интерпретировать (расшифровывать) как привычные невербальные средства общения, так и малозаметные мимические движения.

Чрезвычайно интересно наблюдать за тем, какие способы изобретаются игроками для разрешения ситуации и общения с партнерами. Очень важным на наш взгляд стал момент преодоления коммуникативных барьеров в группе. Мы наблюдаем, что участниками движет определенный конкретный интерес, и обычно они готовы до поры следовать некоторым принятым в таких ситуациях нормам. Мы заметили, что, оказавшись в одинаковых условиях, когда оказалось невозможно «задавить оппонента горлом», многие участники, представляющие себя в роли неформальных лидеров, растерялись, а затем даже пошли «на поводу» у конформно настроенных членов группы (Higgins P., Butler R. [9]), которые, в свою очередь, быстро взяли инициативу в свои руки и сразу же попытались договориться между собой.

На первом этапе, сразу же после распределения ролей, в команде началась неразбериха, получившие карточки «слон, черная клетка» или «конь, белая клетка», обозначив друг друга, сделали вывод, что они находятся в зоопарке и довольно долгое время вносили сумятицу в общий процесс. Интересным оказались обозначения фигур на втором этапе, когда каждый пытался через самопрезентацию найти свое место в группе. Королем по жребию оказалась девушка, и она пыталась «самопрезентовать» себя словами «King-She», ей вторил юноша, взявший карту «Ферзь» – «Queen-He»; интересно обозначили себя пешки: «Лохос», что сильно запутало дело. На третьем этапе в процессе проведения игры, где роли были заданы извне, а свою позицию и отношение к процессу каждый участник определял сам, задача игроков заключалась в том, чтобы найти общие пути взаимодействия и средства общения. Наблюдая за поведением участников, мы отметили, что позиции были статичны на протяжении всего группового процесса. Участники сразу произвольно разделились на две группы

по принципу легкости нахождения и установления коммуникативных связей.

1. Участники, вышедшие на взаимодействие, – (70%).

2. Участники, отстранившиеся от процесса игры, – (30%).

У первых наблюдался эмоциональный подъём, они свободно выражали свои чувства, вели себя раскованно, что доказывают следующие данные: повышенный уровень активности, открытости, дружелюбия. Вторые в последующей рефлексии говорили об отчужденности, непонимании, пассивности, нежелании участвовать в общем процессе. Повысилась закрытость с 0,09 до 0,2 и пассивность с 0,10 до 0,12.

Можно сделать вывод: большая часть игроков смогла выстроить и структурировать коммуникативное пространство, подобрав необходимые средства для выработки общего решения, сохранив при этом свою личностную позицию – создав в жестко ограниченные сроки конвенциональную группу и руководствуясь в своем поведении определенными правилами оформившегося взаимного интереса. Резюмируя вышеописанные события, мы снова наблюдали феномен толерантности, который теперь стал носить четкий обозначенный референтный характер.

После того как стала очевидной проблема двойственности в отношениях между участниками эксперимента, мы предложили ролевую игру – «Страшный суд». Вообще тема суда является чрезвычайно благодатной на тренинговых занятиях, поскольку дает возможность участникам давать обратную связь чуть в более широких границах, чем позволяет обычное требование безоценочности, что воспринимается участниками без особых болезненных эффектов.

Во-первых, нам хотелось снизить эффект эмоционально насыщенного восприятия апокалиптических картин, атрибутика которых отчасти используется в игре, и придать ей легкий юмористический оттенок. Ну и, во-вторых, упражнение относится к классу игр на получение обратной связи, а нам необходимо было вызвать ощущения консонансного восприятия внутренних качеств своего «Я» и внешней среды (К. Левин, Л. Фестингер, Т. Шибутани [10]).

Структура командного тренинга определяется пятью характеристиками, которые не просто влияют, но и формируют весь последующий сценарий событий.

1. Разогрев и определение пространства действия.

2. Чёткое определение ролей как двух полярностей. То есть, «хорошие», обладающие эмоционально притягательными характеристиками, вербующие на свою сторону тех, кто оказался «между», и «плохие», обладающие эмоционально отторгаемыми характеристиками, также вербующие, но уже на свою сторону. Третьими были участники, имеющие слабо привязанную к созданному пространству роль, – они были ограничены лишь тем, что их делали предметом спора и обсуждения. Позиции выбирались, исходя из собственных интересов.

3. Система поощрения/наказания имеющих роль.

Тот, кто исполнял роль «на совесть» поднимался вверх по иерархической лестнице (фактор, работающий на ролевую принадлежность).

4. В ходе процесса условно обозначились три категории участников – «спутанные», «определившиеся» и «живые». Для первых характерно спутанное восприятие ситуации, бессмысленность совершаемых действий и безответственность, связанная с отказом от преобразования пространства в соответствии с подлинно их интересами, неосознаваемыми или осознанными. Это 50% участников. В рамках ранее выделенных нами шкал заметна пассивность, закрытость, направленность на себя и негативизм.

Для «определившихся» характерно исполнять роль ради роли, не ставя при этом вопроса – «зачем?». Всего их 25%. Им свойственна активность, открытость, позитивизм, направленность, как на себя, так и вовне.

Ещё 25% участников показали высокий уровень сознательной активности, осознали необязательность выбора между двумя предлагаемыми альтернативами и возможность другого, своего пути.

5. Индуцированный фактор.

По мере прохождения этапов тренинга у членов группы появилось осознание той конфликтной зоны, с которой им хочется работать, которая для них актуальна: при высоком принятии «непохожести» Другого, для среднего участника коммуникативного про-

цесса характерна высокая интолерантность к «себепохожим» (мотив конкурентного противостояния) и высокой индиферентности к «непохожим» (мотив приспособления через максимизацию выигрыша «непохожего», ради минимизации выигрыша «себеподобного»).

Появился опыт участия в дебатах, как аргументированного представления своего мнения и внимательного отношения к аргументации оппозиции. Были осознаны и отработаны способы установления коммуникативных связей. Обозначилась важность сознательной активности, наличия «другого» в коммуникативном поле. Активировалась потребность в своём, отличающемся от предлагаемого, пути. Вполне логичен вывод, что с помощью данной программы можно создать условия для принятия толерантности по отношению к себе и другим в различных социальных группах.

Все рассмотренные способы организации тренинговых процессов с точки зрения разного соотношения сфер директивности – недирективности задают разные конфигурации креативных и толерантных отношений. В этом плане есть широкое поле перспективного экспериментирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кабрин В.И. Транскоммуникация и личностное развитие. Томск: ТГУ, 1992. 257 с.
2. Росс Л., Уорд Э. Принципы наивного реализма и их роль в возникновении непонимания между людьми // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 6. С. 24 – 37.
3. Муравьева О.И. Тренинг коммуникативной компетентности: специфика этапов // Профорентация и психологическая поддержка. Теория и практика: Материалы V региональной научно-практической конференции. Томск: Томск. гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 2003. С. 148 – 152.
4. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект-Пресс, 2001. 377 с.
5. Большаков В.Ю. Психотренинг: социодинамика, упражнения, игры. СПб., 1996. 382 с.
6. Вачков И.В. Основы технологии группового тренинга. Психотехники. М.: «Ось-89», 2000. 223 с.
7. Кабрин В.И. Коммуникативный подход в психологии и многомерная метрическая модель общения // Психолого-педагогические вопросы организации учебно-воспитательного процесса. – Томск, ТГУ, 1885. – С.3 – 23
8. Кабрин В.И. Личность как встреча // Личность в парадигмах и метафорах: ментальность-коммуникация-толерантность. Томск: ТГУ, 2002. С. 73 – 103.
9. Higgins P., Butler R. Understanding Deviance. Mc Graw – Hill Book Company, 1982. 500 p.
10. Шибутани Т. Социальная психология. М.: Прогресс, 1969. 535 с.
11. Фромм Э. Бегство от свободы. Минск, 2000. 672 с.
12. Частоколенко Я.Б. Динамика первичного творчества в коммуникативном процессе тренинга креативности: Дисс. ... канд. психол. наук. Томск, 2004.
13. Частоколенко Я.Б. Монотипия. Томск, 1999. 42 с.
14. Частоколенко Я.Б. Протоноя – транскоммуникативная колыбель первичного творчества // Мы. Научно-публицистический альманах. Томск, 2003. С. 68 – 87.
15. Шабанов Л.В., Савин П.Н. Комплексная программа тренинговых упражнений формирования толерантных качеств личности коммуникаторов: Учебно-методическое пособие. Томск: КЦ «Позитив», 2004. 46 с.

Статья представлена кафедрой социальной и гуманистической психологии факультета психологии Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Психология» 24 декабря 2004 г.